

УДК 94

В статье рассматривается один из эпизодов Гражданской войны и немецкой оккупации на Украине.
Ключевые слова: Украина; Гражданская война; 1918; немецкая оккупация.

The article considers one of the episodes of the Civil War and the German occupation of the Ukraine in 1918.
Key words: Ukraine; the Civil War; 1918; German occupation.

В. П. Федюк

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: fediuk@uniyar.ac.ru*

Убийство фельдмаршала Эйхгорна в Киеве в 1918 году

Научная статья

V. P. Fedyuk

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: fediuk@uniyar.ac.ru*

Murder Field Marshal Eichorn in Kiev in 1918

Scientific article

В годы Гражданской войны территория Украины стала ареной ожесточенных столкновений самых разных противоборствующих сил. Сразу после свержения Временного правительства власть в Киеве захватила Центральная Рада, сформированная из украинских партий, преимущественно социалистического толка. Но уже в январе 1918 г. Рада под натиском большевиков была вынуждена бежать из города.

Украинские власти понимали, что рассчитывать на собственные силы им не приходится. Результатом этого стало подписание сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией и их союзниками. В обмен на признание формальной независимости Украины Рада соглашалась на оккупацию территории страны немецкими и австрийскими войсками.

1 марта 1918 г. немецкие солдаты вступили в Киев. Два месяца спустя с подачи немцев Рада была разогнана, и к власти пришел генерал П. П. Скоропадский, принявший почти забытый титул гетмана Украины.

За спиной организаторов переворота стоял командующий группы армий «Киев» генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн. Это был примечательный человек. Немолодой (ему перева-

лило за семьдесят), он еще в юности принимал участие в войнах, когда железом и кровью создавалась Германская империя. В Первую мировую Эйхгорн командовал различными соединениями на русском фронте, неоднократно был награжден, и в итоге поставлен кайзером во главе военной администрации оккупированных территорий.

Мир с Германией была вынуждена подписать не только Украина, но и власти Светской России. Это стало поводом для конфликта между большевиками и их союзниками – левыми эсерами. В марте 1918 г. **II съезд партии левых социалистов-революционеров** заявил об отказе от признания условий мира и выходе представителей партии из состава центральных органов управления. На специальном закрытом заседании съезд принял решение о начале кампании политического террора, призванного ускорить наступление мировой революции. Представители партии тайно связались в Германии с местными левыми социалистами из «группы "Спартака"» и предложили совместную подготовку покушения на Вильгельма II. **Но немецкая сторона не поддержала** эту инициативу и, в свою очередь, назвала в качестве возможных объектов террористических акций германского посла в России барона

© Федюк В. П., 2016

Мирбаха и руководителей оккупационных учреждений на Украине.

Во исполнение этих планов на Украину в конце мая 1918 г. была послана группа боевиков. В нее входило шесть человек, но главными фигурами были двое – матрос Борис Донской и уже известная к тому времени революционерка Ирина Каховская.

Именно из ее воспоминаний нам, в первую очередь, известны подробности этого дела¹. Каховская была личностью необычной, вполне заслуживающая хотя бы нескольких строк отдельного рассказа. Среди предков Ирины был знаменитый декабрист Петр Каховский, казненный по делу о восстании на Сенатской площади. Может быть поэтому, а может и по иной причине, Ирина Каховская с самого молодого возраста принимала участие в революционном движении. Ей было всего двадцать, когда она была арестована и отправлена на Нерчинскую каторгу.

На каторге Каховская познакомилась с Марией Спиридоновой, уже тогда считавшейся среди революционеров символом негибкости и жертвенности. Спиридонова оказала на Каховскую огромное влияние. Позже, когда Спиридонова стала своего рода «лицом» партии левых эсеров, Каховская, не раздумывая, последовала за ней. Есть основания считать, что именно Спиридонова рекомендовала Каховскую как одного из исполнителей предполагаемых терактов в Киеве.

В переполненном беженцами Киеве найти жилье оказалось крайне трудно. Наконец, удалось снять две комнаты в городе в квартире на Бибиновском бульваре и маленький дачный домик в киевском пригороде Святошине. Этот дом, окруженный заросшим садом, стал основным местом базирования боевиков. Донской, выдававший себя за легкового извозчика, из соображений конспирации поселился отдельно.

Без больших трудов удалось выяснить, что штаб-квартира Эйхгорна расположена в респек-

табельном районе Липки, в доме Попова (бывшем графа Уварова) по адресу Екатерининская улица, 16. Неподалеку на углу Институтской и Левашовской в бывшем доме генерал-губернатора находилась резиденция гетмана Скоропадского.

Но дальше начались проблемы. Эсеры (и левые в том числе) в обывательском представлении были связаны прежде всего с деятельностью легендарной Боевой организации. Но надо помнить, что с тех времен, когда эсеровские боевики взрывали царских министров и сановников, прошло более десяти лет. «Профессионалов террора», если их можно так назвать, попросту или не осталось в живых, или они давно отошли от дел. Похоже, что новое поколение полагало возможным научиться организации террора по самоучителям. В качестве таковых предполагались опубликованные к этому времени уже в немалом количестве свидетельства событий прошлых лет, и в первую очередь воспоминания Бориса Савинкова.

Замысел Донского совершенно очевидно копировал тактику, когда-то использованную Иваном Каляевым при покушении на великого князя Сергея Александровича. Тот тоже, выслеживая будущую жертву, прикидывался то извозчиком, то уличным торговцем-разносчиком. Но на Екатерининскую разносчики не допускались, существовавшие здесь ранее магазины были закрыты, а у каждого подъезда стоял немецкий часовой. Единственное, что оставалось делать, – это время от времени гулять вдоль улицы, причем не слишком злоупотребляя этим, чтобы не мозолить глаза караульным.

Тем не менее через две недели удалось выяснить, что Эйхгорн каждый день ровно в час дня пешком в сопровождении адъютанта направляется наискосок через улицу в особняк миллионера Бродского, где располагалось немецкое офицерское собрание. Каховская так описывала эту картину: « На его пути шпалерами выстраиваются солдаты, выскакивающие по телефонному сигналу из своих караульных помещений. Он идет медленно, спокойно беседует с адъютантом, небрежно козыряя взявшим на караул солдатам и встречным офицерам. Через три минуты скрывается в подъезде, снова проходя через коридор выстроившихся у подъезда солдат» [2, с. 174]. Покушение в таких условиях было невысказано, но других вариантов не оставалось.

¹ Воспоминания Каховской впервые были опубликованы под названием «Дело Эйхгорна и Деникина» в 1923 г. в вышедшем в Берлине сборнике «Пути революции». Год спустя текст был воспроизведен в харьковском журнале «Летопись революции», а в 1989 г. вновь опубликован журналом «Родина». Нам удобнее здесь и далее приводить цитаты по харьковскому изданию.

Одновременно велась слежка и за Скоропадским. Здесь дела обстояли проще. Через словоохотливую прислугу боевикам удалось добыть информацию о внутренних помещениях гетманского дворца. Слежка показала, что каждый день после часа ночи «к подъездам дворца подавались нарядные автомобили и по освещенной лестнице спускались придворные в национальных костюмах и сам гетман, иногда в штатском, иногда в одежде простого казака» [2, с. 175]. В такой ситуации было несложно бросить бомбу и беспрепятственно скрыться в темноте. Но главной целью считался Эйхгорн, и покушение на гетмана отложили.

Между тем покушение на Эйхгорна не клеилось совершенно. Узнав об отъезде фельдмаршала в Крым, боевики задумали встретить его на вокзале по возвращении. Три человека с бомбами дежурили здесь целый день, но напрасно: как оказалось, Эйхгорн вернулся днем раньше.

Неудачи больно сказывались на психике террористов. Особенно это было заметно у Донского. «В колоссальном нервном напряжении, с запавшими лучистыми глазами, вдохновенно сосредоточенный, с какой-то особенно мучительной, но и вместе твердой складкой у рта, ежедневно отдавая свою жизнь, ежедневно прощаясь с близкими и вольным миром, уходил от нас Донской на свой жуткий подвиг... Он возвращался потрясенный и смущенный неудачей и рассказывал нам, как загородила ему дорогу случайная извозчичья пролетка, как дети, играя, пробежали слишком близко от Эйхгорна, как не удалась сама встреча» [2, с.175].

В довершении всего из Москвы пришли неожиданные известия. Теракт в отношении немецкого посла барона Мирбаха, успешно осуществленный левыми эсерами 6 июня 1918 г., привел к фактическому разгрому партии левых эсеров и аресту ее главных вождей во главе со Спиридоновой. Сразу встал вопрос, продолжать ли подготовку покушения на Эйхгорна или бросить все и вернуться обратно. После обсуждения было решено действовать, как и прежде.

Донской, вооруженный револьвером и бомбой, каждый день отправлялся в привычный путь. Остается удивляться, как они с Эйхгорном еще не начали раскланиваться. Однажды Донской даже достал бомбу, замаскированную под термос, но с того соскочила крышка. Он поднял

ее и с деловым видом стал прикручивать назад у всех на глазах.

30 июля 1918 г. все было как всегда. Донской и Каховская расстались на углу Лютеранской и Екатерининской. Через 15 минут он вернулся, не встретив Эйхгорна. Побеседовали, а около двух пополудни снова простились. Через пять минут после этого прогремел взрыв.

Попробуем восстановить подробности, опираясь на информацию, опубликованную в киевских газетах того времени. Итак, по словам свидетелей, Эйхгорн в сопровождении своего адъютанта капитана Вальтера фон Дресслера, как обычно, покинул офицерское собрание около двух часов. Идти до дома Уварова было минуты три, но фельдмаршал остановился, о чем-то беседуя со своим спутником. В этот момент прохожий в длинном плаще бросил в их сторону какой-то предмет, после чего и последовал взрыв. Убийца вскочил в стоящий рядом экипаж, но лошадь не тронулась с места. Тогда он спрыгнул на мостовую и побежал, но почти сразу остановился и безропотно дал себя схватить подоспевшим немецким солдатам [3]. При обыске у него не нашли никаких документов, только в кармане – локон женских волос и увядший цветок [1, с. 702].

Гетман в этот час гулял в саду, как вдруг услышал взрыв. Позже он вспоминал: «Я по звуку понял, что разорвалось что-то вроде сильной ручной гранаты. Были посланы ординарцы, которые через минуту вернулись и сообщили, что вблизи нашего дома брошена бомба в фельдмаршала Эйхгона, возвращавшегося к себе после завтрака, что он лежит на мостовой, видимо тяжело раненый. Я и мой адъютант побежали туда. Мы застали действительно тяжелую картину, фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки. Рядом с ним лежал на других носилках его адъютант Дресслер с оторванными ногами. Последний, не было сомнения, умирал» [4, с. 73]. Оба пострадавших были перевезены в ближайшую лечебницу – кауфманский госпиталь на Лютеранскую улицу. Дресслер умер в тот же день, а Эйхгорн спустя сутки.

Убийцу, а заодно с ним и кучера экипажа, на котором он собирался уехать, доставили в Лукьяновскую тюрьму. Кучер Ефрем Бычок постоянно твердил о том, что он ни в чем не замешан и его на время оставили в покое. Террорист же назвался Борисом Донцовым, 24 лет,

крестьянином Рязанской губернии. На допросе он показал, что убил Эйхгорна по решению партии левых эсеров, но на любые другие вопросы отвечать отказался.

Следствие длилось недолго. Уже 10 августа 1918 г. Донской был публично повешен на телеграфном столбе на площади перед тюрьмой. Накануне прямо в камере покончил с собой кучер Ефрем Бычок. Через какое-то время была арестована Каховская и еще один участник боевой группы. Двоим удалось скрыться. Каховскую немецкий военно-полевой суд тоже приговорил к смертной казни, но, поскольку речь шла о женщине, приговор должен был утвердить сам император. Пока велась переписка между Берлином и Киевом, в Германии произошла революция. Каховская была освобождена из тюрьмы уже после эвакуации с Украины немецких войск. Позже, уже в СССР, ей пришлось многое пережить, включая неоднократные аресты и тюрьмы, но в итоге умерла она в весьма преклонном возрасте.

Убийство Эйхгорна на какое-то время ввергло киевских обывателей в ужас. От немцев ждали страшной кары, говорили о том, что город будет

полностью уничтожен германской артиллерией. Но ничего этого не произошло. Новый германский командующий генерал-полковник Г. фон Кирбах, известный взятием Риги в 1917 г., удовлетворился формальным извинением гетмана. После этого многим стало ясно, что немцы не такие, какими были полгода назад. На Западном фронте, в тысячах километрах от Киева, назревали большие перемены, положившие в итоге конец гетманской Украине.

Ссылки

1. Воспоминания генерала Б. С. Стеллецкого о его пребывании в должности начальника штаба гетмана П. П. Скоропадского и событиях на Украине в 1918 г. // Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе, 1918 год. М., 2014. С. 638–752.
2. Каховская И. Террористический акт против генерала Эйхгорна // Летопись революции (Харьков). 1924. № 2(7). С. 172–184.
3. Киевская мысль. 1917. 31 июля.
4. Скоропадский П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ-Філадельфія, 1995. 493 с.